

© 1992 г. ДУНКЕЛЬ Г.

ГРАММАТИКА ЧАСТИЦ

Праиндоевропейские частицы с точки зрения их этимологии, формальных признаков и исходного значения в массе своей остаются в большей или меньшей степени неясными...

К. Бругман

1. Лексикон: Классы морфем.

1а. К индоевропейским классам морфем, которым в специальной литературе уделяется наибольшее внимание, относятся, как известно, корни (К), суффиксы (С) и окончания (О). Необходимо, однако, признать существование и четвертого класса морфем — неизменяемых морфем, или частиц. Настоящая статья посвящена именно этой сравнительно мало изученной категории. Цель статьи — показать важность частиц для индоевропейской морфологии и стимулировать их дальнейшую разработку.

Частицы нередко не являются самостоятельным объектом исследования, а привлекаются лишь в связи с необходимостью дать объяснение тем образования, которые остаются после вычета всех морфологически ясных элементов корня. Лучшим описанием частиц вплоть до настоящего времени остаются работы К. Бругмана [1]. В последующих стандартных работах лишь повторяется то, что уже содержится в работе К. Бругмана. Отдельные новые (по сравнению с работой Бругмана) идеи в рассматриваемой области стали появляться только в пятидесятых годах.

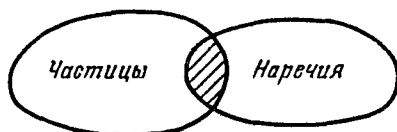
Некоторые концепции в лингвистике, построенные прежде всего на материале анатолийских языков, ставят традиционную грамматику перед необходимостью подвергнуть коренной переработке существующие грамматические пособия. Во-первых, в настоящее время эти пособия можно пополнить новыми, не содержащимися в работе Бругмана, частицами. Во-вторых, многие уже известные частицы сейчас следует интерпретировать иначе — не только морфологически, но и семантически и фонологически. И, наконец, следует подойти к изучению совершенно новой проблемы — разработке принципов комбинирования частиц между собой в праязыке.

Для того чтобы дать ясное представление о тех параметрах, которые подлежат исследованию, я ограничил материал, рассматриваемый в моей статье, рамками грамматики. В этой связи показательно следующее. Анализ такой узкой области, как местоимение **so/to-*, может показать, что даже в тех областях изучения языка-основы, которые кажутся хорошо исследованными, возникают новые проблемы, как только мы начинаем рассматривать частицы не в качестве простых "остатков" морфологического анализа, а как самостоятельный класс морфем.

1б. Частицы и другие классы морфем. Чисто семантические частицы в широком смысле ближе всего к наречиям, хотя могут иметь и действительное значение, в том числе указательное и местоименное (**ke/ki-*, **e/i*, **gho/ghi-*); конъюнктивное значение, включая дизъюнктивное и адверсативное (**k^{ue}-*, **h₂o/u*, **-ue*, **dt*); модальное значение, в том числе ирреальное и обобщающее (**-k^{ue}*), непосредственно модальное (**ken*), мелиоративное/пейоративное

(**dus-*), негативное (*né, mē*) и вопросительное, а также эмфатическое (**ómi/-em*), включая побудительное (**h₁éi*) и утвердительное (**mān*); далее можно выделить локальное значение, в частности пространственное или временное (**nú, *soñ, *pró, *ápo, *dyls*). Эту группу частиц можно обозначить индексом Ч (в настоящее время мы полностью оставляем в стороне проблему соотношения частиц и гипотаксиса).

Однако класс частиц не просто идентичен наречиям, поскольку последние могут быть морфологическими производными (падежные формы, цепи частиц и адвербиальные суффиксы). Скорее можно сказать, что эти два класса пересекаются:

К сожалению, все семантические классификации, предпринятые до сих пор, пересекаются друг с другом, что затрудняет исследование. Намного продуктивнее положить в основу анализа формальные признаки.

Как и три других морфемных класса, частицы обнаруживают явление аблаута (аблаут полного и нулевого гласного, а также аблаут гласных **o* и **e*). Подобно суффиксам и окончаниям, частицы в отличие от корневых морфем не подчиняются каким-либо закономерностям с точки зрения возможных звуковых комбинаций. К тому же частицы всегда односложны.

Тот факт, что частицы как семантически, так и функционально образуют независимый класс морфем, следует из принципиальных различий, которые наблюдаются между частицами, с одной стороны, и между корневыми, суффиксальными морфемами и окончаниями, с другой.

Во-первых, распределение частиц в морфемных цепях, весьма своеобразное, не совпадает с делением и распределением трех других морфемных классов. Иными словами, между частицами и другими классами морфем невозможна взаимозаменяемость. Феномен супплетивации на **i* и **-i* возможен только в классе частиц (включая и местоименные корни). Но прежде всего следует иметь в виду, что лишь частицы, в отличие от других морфемных классов, могут образовывать самостоятельные слова. К рассмотрению всех этих особенностей мы еще вернемся.

1с. Значительных успехов в исследовании частиц можно достичь лишь в том случае, если полностью сконцентрировать внимание на изучении взаимосвязей специфических форм со специфическими значениями, а не заниматься рассмотрением недоказуемых комбинаций. Это не слишком жесткое требование; ведь стремление к максимально точному семантическому и морфологическому анализу в области морфологии само по себе ни у кого не вызывает сомнений. Те или иные формы, неоправданно причислявшиеся ранее к классу частиц, должны перепроверяться и, в случае необходимости, исключаться из этого класса как "ghost-words" (с соответствующими коррективами в специальной литературе)¹.

Но когда речь идет о частицах, в лингвистике все еще действуют по формуле "anything goes": бытуют редукционистские взгляды на сегментацию в духе П. Перссона. Мнимые частицы, как и многие мнимые глагольные формы, часто упоминаются в грамматиках и цитируются. И многие из этих форм,

¹ Примеры методик такого анализа даются Й. Партеном [2]. Например, не испытавшие аблаута окончания дат. п. ед. ч. **-ei* или им.п. мн. ч. **-es*, в корне отличные от способных к аблауту форм род.п. ед. ч. **-est/-ost-* и локатива ед. ч. **-i*, обычно не подпадают под единый знаменатель.

как и мнимые глагольные формы, необходимо подвергнуть тщательному анализу и исправлению.

Прежде всего необходимо возразить против смешения в "одну кучу" совершенно различных частиц. Так, например, если **pér(H)i* "через", хотя и с некоторыми натяжками, можно вывести из глагольного корня **perH-* "пронзать, проникать", то вряд ли оправданно по аналогии из того же глагольного корня выводить превербы **pró-* "вперед" и **próti/preti* "против", несмотря на все их формальные и семантические отличия ([1, II, 2, с. 864—888, этимологическое гнездо **per-*]; Покорный [3, с. 810—815], Фришк [4, s.v. *prós*] считают возможным соотношение с *прó*. Иного мнения Майрхофер [5, s.v. *práti*], хотя s.v. *puráh* он говорит, что здесь речь идет "как и в случае с *purđ*, об этимологическом гнезде *párah, pári, prá* и т.д."). Подобным же образом именно вследствие полного несовпадения формы и содержания невозможно выводить преверб **róti* из формы **ro* (нулевой ступени от **ápo* "назад, прочь"), хотя я вполне согласен с тем, что **róti* можно разделить на **ró-ti*. А вот образования типа *ro-i* (хет. *pe-* "прочь") и **ro-s* "позади" могут рассматриваться как дериваты от **ro*, что вполне соответствует семантическому наполнению этих слов. Но есть еще одна возможность — в хеттской форме *appa* усматривать слияние **ápo* "назад, прочь" и **épi* "потом"; первое допущение вполне корректно, второе же фонологически абсолютно невозможно [6].

С другой стороны, следует четко различать почти омонимичные формы, например, местоименные **bho/l.bhi* "оба" и локативное *2.*bhi* "при" [7, примеч. 115] — с одной стороны, и локативные **e/o-ti* "сверх этого" — с другой, а также противительное-эмоциональное **át* [8].

2. Фонология.

2a. Согласные: *i*. Ларингальные и частицы. Частицы, имеющие грамматический вид "гласный + **u*", очень часто смешиваются учеными [9]. Однако более тщательный анализ приводит к необходимости выделения трех различных формально-семантических групп таких частиц. Необходимо дейктическое **oц/u* — возможное, без ларингального (ср. и.-е. императив **-i-u* и местоимения — вед. *am-ú-m*, греч. *δ-ῦ-τος*) — отличать от конъюнктивного **h₂u* (вед. *и*, греч. *αῦ*) — последний с ларингальным, что непосредственно видно из продолжения супплетивной формы **h₂o* в лувийском (*-ha*) и ведийском (*át-ha*). Обе эти формы восходят к локальному **aц* (лат. *au-*, хет. *u-*), которое представляет собой стяжение из *áци*, опять-таки супплетивное по отношению к **áцo* "прочь" (инд.-иран. *áva*) [10].

2aii. Упрощение групп согласных (это, безусловно, касается не только частиц): **çi-* "врозь" было образовано от **dçi-* "пополам", причем довольно рано, о чем свидетельствует происхождение нового корня **çidh* "разрубать", но в то же время это позднейшеевропейское образование, так как в анатолийском не отмечена форма **çi*². В связи с тем, что явление упрощения все же не было всеобщим (не затронутой им осталась сама адвербиальная форма **dçi* "дважды"), можно полагать, что перед нами не подчиняющийся определенным закономерностям фонологический процесс [как в **kmtóm < *(d)kmt-o*], а скорее специфическая диссимиляция в синтагме **dçi-dheh₁* "раскладывать, разделять". Можно сравнить образование **(d)çi-(d)kmti* "двадцать" с более простым наречным **dūt+s* "дважды".

Еще одним хорошим примером упрощения групп согласных может служить форма *sub < *(ek)s-upo*.

2b. Гласные: Безусловно, детальное исследование альтернации долгих и кратких гласных в пределах частиц и местоимений (например, **prō:pro*, вин. падеж **mē:me*) было бы очень кстати. Если в той или иной форме представлен краткий гласный, то мы наблюдаем явление удлинения гласного, но каковы причины, ко-

² Хет. *wida(i)* "принести" семантически легче вывести из **yedh-eh₂-je* "привести", чем из **çi-dhh₁-eh₂-ie-* "разделить" [11].

торые обуславливают это удлинение? Объяснимо ли это явление, как предлагает Бругман, законами ауслаута [12, с. 496] или же, следуя за Готьё, можно считать это своеобразием односложных форм [13, с. 63 и сл.; 165 и сл.]? Может быть удлинение ограничено метрически короткими односложными формами, как утверждает Ф. Шпехт³ [15]? Но в конце концов можно принять на вооружение и точку зрения Э. Зебольда, утверждающего, что, "имея дело с личными местоимениями, мы должны считаться с явлением фонологического удлинения" [16].

Если же изначально мы имеем дело с долгим гласным, то необходимо допустить укорочение гласного (как вследствие утраты ларингального или по иным причинам) [17]. Однако неясно, почему мы имеем дело с этим явлением, например, в прономинальном аккузативе **meh₁*, но не в запретительной (прогитивной) частице **meh₁*. Совсем недавно О. Семереньи попытался скомбинировать эти два вида анализа; он предложил считать явление удлинения в односложных морфемах обусловленным аналогией после укорочения элемента, предшествующего гласному [18]. Так, например, **prō*, **mē* (если они восходят к **proH*, **meH*) > **pro*, **me* подверглись фонологическому укорочению, а **po* (без ларингального) > **pō* — аналогическому удлинению.

Само собой разумеется, что необходимо различать специфически метрическое удлинение (в арийском только в ауслауте, а в греческом языке — в каждом слоге) от удлинения гласных, которое представлено в неметрических текстах [19], хотя первые можно истолковать как результат совокупного действия различных языковых тенденций [19, с. 338—355]. Необходимо отделять друг от друга и удлинения, которые возможны в каждом слове (ср. постулируемую Соссюром "слоγο-ритмическую" тенденцию, т.е. стремление избежать тройного укорочения [20]), от удлинения, возможного лишь в некоторых, специфических видах слов или процессах; речь идет о морфологически обусловленных функциональных (композиционных) удлинениях, а также об удлинении как морфологическом средстве деривации (*vrrddhi*) ([22, с. 360—371]; исходный пункт — *ndri*; [23]). Их можно понимать либо как результат аналогии первоначальному стяжению [21, II, с. 897 и сл.; 20, с. 398], либо как результат удлинения ларингала (*sūnara-*: [19]).

3. Морфология: Частицы и парадигмы.

За. Частицы чаще сохраняют древние грамматические формы, чем парадигмы. Очень многие несклоняемые части речи, как известно, являются застывшими парадигматическими именными или глагольными формами. Примеры: атт. ἄλλὰ "но" resp. εἰ "ладно" [24] и лат. *gratia* resp. *igitur*.

Вследствие изоляции от влияния родственных форм такие слова, как и другие внепарадигматические образования (ср. соответствующие звуковым законам производные *eculeus*, *parum*, *secundus* наряду с восстановленными парадигматическими — *equus*, *parvum*, *sequendus*), особенно сопротивляются малейшим изменениям в языке и долго сохраняют архаичные формы, которые в парадигмах давно заменены инновациями. Можно в этой связи указать на следующие греческие примеры: побудительное εἰ (δ' ἄγε) vs. парадигматическое ἴθι; отрицательное οὐ vs. парадигматическое ἄϊών; восклицательное εἴεν vs. парадигматическое εἴεν; локальное πέδα vs. парадигматическое πόδα; эмфатическое τοι vs. парадигматическое σοί. В древнеиндийском: побудительная форма *hanta* vs. императивная форма *hata*; неопределенное *cīd* vs. вопросительное *kīm*; эмфатическое *īd* — в противовес дейктическому *idām*; эмфатическое *tū* — в противовес местоименному *ivām*; конъюнктивное *dd* — в противовес дейктическому *asmdd*. В хеттском: квотативная форма *-wa(r)* (< **werh₁t*) в противовес парадигматической *tet*. В латинском: дизъюнктивная форма *vel* в противовес парадигмати-

³ Например, *δρῶς* наряду с *δρῶσι*, *kīm* наряду с *nakis*. Остгоф [14], наоборот, исходил из наличия долгого гласного со слабой ступенью чередования и с второстепенным ударением. Этот гласный впоследствии, после полной утраты ударения, стал кратким [15, с. 281 и сл.; с. 351 и сл.]. Обе эти теории не дают возможности объяснения форм типа **duis* и **tris*.

ческой *vīs*; изолированная форма сандхи в связанной морфеме *leg-* в противовес несвязанной морфеме *pes-*; можно указать также на след действительного причастия прошедшего времени в изолированной форме *apud*.

Таким образом, многие частицы сохраняют более старые, по сравнению с представленными синхронно, формы. Иными словами, частицы никогда не становятся источником новообразований в языке.

Отсюда вытекает важный методический принцип нашего исследования: если налицо различия между частицей и парадигмой, необходимо проверить, не сохраняет ли частица более древнюю, исконную форму.

В праиндоевропейском положении вряд ли было иным. Это означает, во-первых, что индоевропейские частицы возникли отчасти из парадигматических форм, и, во-вторых, что они могли сохранять более раннее состояние флексий по сравнению с теми, которые можно вывести на основе индоевропейских парадигм. Мейе очень убедительно показал это⁴. Мы считаем чистым преувеличением полное отрицание Швицером унитарного постулата ("Для развития древнейших частиц более поздние частицы, которые явно представляют собой окаменевшие падежные и глагольные формы, не могут служить аналогией" [20, II. с. 554]).

На практике это означает, что необходимо выделить четыре разные по численности группы частиц, которые отражали бы ступени развития этого класса морфем в праязыке. Первую, наиболее позднюю по образованию группу составляют частицы, возникшие из позднеиндоевропейских застывших падежных форм древних частиц, главным образом наречных: **epi*, **perHut*. Вторую группу составляют изолированные формы флексий более раннего уровня развития языка (**áro*; **eghs*). Третью группу составляют неясные по своему строению, но безусловно сложные частицы [**(s)h₂en-eu*, **ñ-dh-er*]. И в последнюю группу войдут все оставшиеся, совершенно не поддающиеся анализу формы (**ṛ*, **gho*, **nd/ne*). Именно здесь мы доходим до наиболее раннего языкового пласта.

3b. Частицы как явные номинативные формы (первая группа). i. В хеттском языке можно найти достаточно синтаксических фактов, подтверждающих происхождение некоторых наречий места и частиц из падежных форм (это было отмечено еще младограмматиками). Наиболее удачными примерами являются производные от **ped-* "нога" и от **h₂enti* "передняя сторона"; *h₁su-* и **dus* — также номинативны по происхождению. Но дело все же обстоит совсем не так просто: в хеттском языке так называемые "корреспондирующие" наречия на *-an* (*kattian*, *appan*) обнаруживают конгруэнцию им.-вин. падежа ср. рода ед.ч., (как будто **-an* восходит к **-om*), но тем не менее они имеют ясную семантику локатива (как будто **-an* произошло от **-en*) [26].

Сходным же образом обстоит дело, когда исследователь принимается за реконструкцию частиц на основе морфологического анализа. Необходимо рассмотреть не только удачные примеры, но и те случаи, которые абсолютно не удовлетворяют требованию соответствия падежных окончаний значениям частиц.

3bii. Локатив единственного числа. Истолкование часто встречающегося окончания **-i* как маркера локатива ед.ч. вполне оправдано в отношении многих наречий места, например, **épi* "затем" [Греч. ἐπὶ χθονός, таким образом, должно рассматриваться в рамках чисто именного синтаксиса, а имеющее то же значение (!) ἐπὶ χθονί представляет собой партитивное приложение (Apposition)], **éni* "внутри", **h₂éni* "напртив", **pérHi* "сквозь", **upéri* "над", **préh₂i* "перед" [27].

Но это окончание употребляется далеко не всегда, так как не все предлоги,

⁴ "В индоевропейском есть неизменяемые слова, некоторые из которых представляют собой застывшие формы ранее склоняемых слов, хотя другие из этих неизменяемых слов безусловно никогда не имели флексий" [25, с. 192] и далее: "... многие [наречия] не относятся ни к одной из известных склоняемых форм" [25, с. 193]; см. также с 349—354.

оканчивающиеся на **-i*, могут осмыслиться как локативы. Так, греч. ἀμφί "вокруг" и вед. *abhi* "против, к" восходят не к единой для обеих форм локатива *h₂mbh-i*, а к различным, не локативным формам, как *h₂mbh-bhí* "по обеим сторонам" (при **bho/l.bhi* "оба, обе") и соответственно **e/o-bhí* "туда" (при 2. **bhi* "у") [14, с. 228].

Многие частицы на *-ti* [**e-ti* "сверх этого", **kʷó-ti/*to-ti* "сколько, столько", **ró-ti* (контаминация с *pró* дала *pró-ti*), **km-ti*, **po-s-ti*] вряд ли можно считать локативами.

Спорным является вопрос о том, является ли локативной формой **-i* в хет. *pe* "прочь" (**po-i*) и в греч. *paraí*, *kataí*.

Итак, подводя итоги, следует указать, что лишь некоторые, но далеко не все частицы на *-i* могут считаться формами локатива. Но, с другой стороны, полнозначные формы без окончания имеют частично локативное значение, например, **perH* "через" (к примеру, в **pérH-ut* "последний год") или **én* "внутри", но часты и случаи, когда они этого значения не имеют: **sóm* "вместе", **ken* (модальная частица). И снова перед нами случай лишь частичного совпадения формы и функции исследуемых классов морфем, а это нельзя сбрасывать со счетов.

3с. Формы флексий более ранней стадии развития языка (вторая группа): два примера. i. Какую падежную форму представляет собой часто встречаемое в наречиях факультативное конечное **-s*? Несмотря на то, что кажется логичным определить эти формы как показатель им. или род. падежей ед. числа одушевленных существительных, эти функции не совпадают со значением названных наречий. Формы (с **-s* после согласного) типа **eghs* "наружу", **aps* "прочь, назад", *ids* "наверх" или же (с поствокальным **-s*) **po-s* "сзади", **(a)ḡe-s* "вниз" не имеют синтаксического значения номинатива или генитива.

Однако **-s* может быть связанным, а не факультативным, например, в **āyis* "явно, очевидно", **trHḡs* "через". Элемент **-s* не является пустым морфем, а служит для отграничения друг от друга различных форм, например, **ni* "вниз" vs. *vis* "снаружи".

Поэтому нам кажется, что целесообразнее считать **-s* элементом особой группы наречных окончаний, таких, как **-ti*, **-dhi*, **-ter*, **-tos* и *r*, которые не соотносятся с именными окончаниями. Морф **-bhi* — это случай особого совпадения: в дв. числе он восходит к местоименному **bho/l.bhi* "оба", во мн. числе — к наречному 2. **bhi* "при".

3cii. Часто встречаемое превербиальное окончание *-o*, в формах типа **ápo*, **pró*, **anó*, **áxo*, **úpo*, вед. *kṛà* < **kʷú-o*, не соотносится однозначно с именными окончаниями, которые поддаются реконструкции. Гипотеза о том, что существовал некий "неопределенный падеж", представляется нам слишком шаткой и ненадежной. С большой долей определенности можно лишь сказать, что **-o* существовало уже на очень ранних этапах развития языка и вряд ли могло образовывать супплетивные формы с **-и*.

Если же принять во внимание значения "прочь, вперед, вдоль, вниз, сюда, куда" упомянутых наречий, то их анализ как форм директива (по крайней мере семантически) представляется вполне уместным. Однако формы директива сами остаются спорными. Некоторые формы скорее говорят в пользу окончания на долгий гласный (греч. ἄνω, πρὶς, лат. *quō*, *eō*, хет. *-a-a*), а другие — скорее в пользу окончания на *-a*. В соответствии с нашим новым принципом исследования мы должны исходить из того, что реконструируемые группы частиц сохранили более древнюю форму падежных окончаний по сравнению с теми, которые представлены в отдельных языках. Другие формы являются по существу более поздними дериватами исконного краткого **-o*. Сходные процессы можно проследить и при исследовании модифицированных и подвергшихся дальнейшим преобразованиям форм тематических локатива и генитива.

Попытки восстановить полные парадигмы [25, примеч. 23; 28] типа:

Им. пад. (от одушвл. существительных)	<i>*en-s</i>	<i>*ap-s</i>	от неодушвл. существительных	<i>próh₂</i>
Местн. пад.	<i>*en, *en-i</i>	<i>*ep-i</i>		<i>préh₂-i</i>
Род. пад.		<i>*p-es</i>		<i>*prh₂-és</i>
Директив		<i>*ap-e</i>		<i>*prh₂-ó</i>

носят чисто формальный характер, но не отвечают ни семантическим, ни синтаксическим требованиям, если функции частиц не согласуются с их постулируемой морфонологической структурой.

3д. Частицы как глагольные формы. Становление окаменелых глагольных форм и превращение их в частицы в исторически засвидетельствованных языках наблюдается реже, чем образование окаменелых именных форм; это касается и праиндоевропейского. Можно с достаточным основанием привести лишь один пример такой застывшей глагольной формы — запретительная частица **mē*. По происхождению она является императивом полной ступени без окончания того же корня, который можно видеть в хет. *mimmai* "отказавшийся" [29], с морфологической стороны эта частица близка греч. побудительному *ei*.

Некоторые частицы, без сомнения, образованы от глагольных корней, но не с помощью типичных глагольных окончаний (до сих пор никто не предложил рассматривать наречия на **-ti* как активные формы индикатива 3 л. ед.ч.), как это имеет место в отношении форм со значением "через" от корней **perH-*, **terH-* "проникать".

3е. Но прежде всего необходимо отметить, что не все частицы возникли из тех или иных парадигм, от имен, глаголов, или корней. Многие из них не обнаруживают никакой общности с этими группами, но на синхронном уровне такие группы частиц образуют различные морфемные классы, а на диахронном — множество морфемных классов.

Таким образом: вместо того, чтобы пытаться втиснуть все частицы в прокрустово ложе позднеиндоевропейских флексивных парадигм, следует просто допустить, что по крайней мере некоторые частицы не могут быть исследованы таким образом. Учитывая тот факт, что частицы очень часто сохраняют древние грамматические формы в качестве парадигматических, надо признать, что существуют другие, новые модели парадигм, которые время от времени проявляются в языке. Именно эти модели и следует использовать при анализе: они важны для понимания среднеиндоевропейской именной флексии.

4. Морфофонемика: комбинаторные варианты.

Обратимся к двум последним, наиболее древним группам частиц. Несколько лет назад я попытался разработать пять формальных категорий частиц: три аблаутных чередования (полная и нулевая ступени чередования, **ó/e* и без аблаута) и два супплетивных типа (на **i* и **u*) [30]. В настоящее время я бы мог представить дополнительный материал, иллюстрирующий каждое из этих явлений:

4а. Мои первоначальные примеры супплетивации **-u*: локальное **prō/pru* "вперед" ⁵, **ápo/apu* "прочь, назад", **áno/anu* "вдоль" ⁶, вопросительные **k^uo/k^uu* (по Г. Кронассеру, **k^uu*- находим также в хет. *kuššan* "теплый" [33, с. 357]), конъюнктивное **-h₂o/h₂u* и отрицательное **nō/nu* (др.-хет. *natta*, др.-перс. *nach-*, лат. *non*, хет. *niwan* "никогда").

⁵ Наряду с **pro* форма **pra* засвидетельствована не только в греческом (πρῶτος, πρότερος), но и в итальянском (оскск. *pru-* наряду с *prú-*; *pruter*). Внутригреческое повышение (*protasis*) **pro* не является необходимым для этих форм [3, с. 814; 4, s.v. πρότασις; 31, с. 14 и сл.; 32, с. 71—74].

⁶ См. [30, примеч. 31, § 11b]. Из других возможных примеров укажем дейктическое **gho/ghu* (вед. *ha*, греч. πᾶν-χῶ, хет. *kāš-kūn*) и хет. *apāš: apūn ašī: uni*.

С тех пор мы обнаружили еще локальное **āyo/aūi* (> **aū*) "вниз" (инд.-иран. *āva/* лат. *au-*, хет. *u-*) [30, примеч. 9]. В этой морфеме нет ларингального, и она не является родственной ни союзу **-h₂u*, ни дейксису **ou/u*.

Еще один, более надежный и важный случай супплетивации **u-* встречается в местоимениях **so/to-*. Греч. *ὅ* и инд.-иран. *sá* предполагают, без сомнения, поздней.-е. **só*. Но хеттская вводная частица *šū*, начинающая предложение, которая также является одной из частиц рассматриваемой группы, может быть только продолжением **su*. Это говорит в пользу существования средней.-е. **só/su* (частиц, вводящих предложение), которые представлены в синтаксисе параллельно с формами **to/te* и **nú* и подчиняется законам вокализма этих последних.

4b. Мои прежние примеры супплетивации **-i-*: локативные формы **pro/pri*, вопросительные **k^o/kⁱ* (причем эти формы обнаруживают и супплетивацию на **-u*) и дейксисты **e/(e)i-*; **ke/ki*; **gho/ghi*.

С тех пор мной были выявлены еще два дополнительных случая: числительное **duo/dūi-* "два, дважды" и местоименный элемент **-bho/l.-bhi* "оба" (как в греч. *ἄμφω/ἀμφί*: [30, примеч. 6]).

В отличие от супплетивации на **u* супплетивация на **i* встречается только в односложных формах. Особенно часто она встречается у частиц на **ó/e*, а также в группах частиц, не подвергающихся аблауту. Как мы уже видели, у некоторых частиц встречаются оба вида супплетивации — на **-i* и на *-u*.

Еще один случай супплетивации на **-i* обнаруживается у местоимений на **so/to-*. Наряду с известной формой жен. рода **sā* (**seh₂*) приводимый ниже материал призван показать существование формы **sih₂*: **sí* в кельтском и германском [др.-иран. (*h*)*ési* (*h*)*éd* [34, § 358, 35, § 450], гот. *is si* (с сокращением в противоположность неукороченному указательному местоимению жен. рода *so*) *ita*; в этих двух ветвях языков форма **sih₂* заменила первоначальную форму жен. рода **ih₂* парадигмы **ei/i-*]; вед. *śīm*, которое обычно не связывается ни с какой парадигмой и рассматривается как безразличное к категориям рода и числа (это в определенной мере неверно, о чем см. ниже § 7dii). Греч. *ἵ* у Софокла и *ἴν* у Гезихия, к сожалению, с формальной и синтаксической точек зрения слишком неясны, чтобы на их основе можно было делать какие-либо выводы. У Софокла *ἵ* "еа", очевидно, было долгим и являлось производным от **sih₂*. Проблематичным, однако, остается отсутствие вокализации ларингала: закономерным было бы *ῑ*. Эту проблему не разрешает предложение М. Петерса соотнести *ἵ* с **ei/i-* [праформа **(h₁)ih₂*] [36, с. 102, примеч. 48]. Встречаемые у Гезихия *ἴν*: *αὐτῇν*, *αὐτόν* *Κύπριοι* обычно соотносят с корнем **ei/i-*. Зебольд [16, с. 76 и сл.] взвешивает возможность соотнесения с **sī-*.

Если форму жен. рода **sī* (**si*: *h₂*) действительно следует соотнести с **só*⁷, то в вводной синтаксической частице **só* следует усматривать оба супплетивных типа — на **-i* и на **-u*, подобно **k^o vs. *kⁱi-* и **k^uu-* (resp. **pró vs. *pri* и **pru*).

4с. Моими прежними примерами чередования **ó/e* были: аллативная форма **dō/-de*, конъюнктивная (союзная) **k^o/-ku^e*, форма сравнительной степени **uó/-ue* и отрицательная форма **nō/ne* (среднеиндоевропейский). Я высказал мнение, что альтернацию **ó/e* следует связывать с именными корнями, имеющими значение "ночь", "нога" и т.д., как это понимает Шиндлер, или с хеттским *hi*-спряжением, как это предлагает Бэkes и Язанофф. В этих случаях частицы, видимо, снова сохраняют более раннее, по сравнению с именами, состояние⁸.

⁷ В то время как **sā* разлагается только на **se-h₂*, частица **sī* может анализироваться либо как **s-ih₂*, либо как **si-h₂*. Следует предпочесть сегментацию **si-h₂*; простое **-h₂* было продуктивным маркером жен. рода вплоть до того времени, когда оно было замещено сложным **ih₂-*. Тезис, согласно которому местоимение **si-h₂* было образцом для производных форм жен. рода на **-ih₂-*, более вероятен, чем обратный.

⁸ Форма 2.**kóm* "в пользу к-л." с дат. падежом — редкое синтаксическое явление; модальное **-ken* встречается в **nú ken*. Этимология Пальмера—Форбса, согласно которой ю.-греч. *ἔν* является результатом сегментации *οὐκάν*, неприемлема, так как *ἔν* следует сравнивать с др.-хет. *-an*, а не с лат. *an*, как утверждает Д.Дж. Ли [38].

Имеются также и другие примеры подобного типа. Помимо акцентуированной вводной частицы **só* есть основания допустить существование безударного алломорфа **-se*. Ср., например, германское местоимение со значением "этот" (руническое *sa-si su-si pat-si*, др.-англ. *þes* < **te-se*; Г. Клингеншмитт [37, с. 185 и сл.] исходит из редуцированного **sa(i)-sa(i)* и т.д.), лат. *ipse* (из **is-se* < *eum(p)se*) и лат. *ille* (из **ol-se*; ср. также форму галльского вин. падежа ед.ч. ср. рода *so-siv*). Уже в праязыке были представлены формы энклитического аккузатива ед. числа **se* от местоимения 3 л. Эти формы выполняли частично анафорические, а частично рефлексивные функции.

Итак, основными формами частиц были — в ударном положении **só*, в безударном — **se*; можно также допустить существование двух супплетивных алломорфов **si*, **sí*. Таким образом, поздней.-е. **só/-se* как с формальной, так и с функциональной точек зрения существовало параллельно с **tó/te* [праформу **so-se*, лежащую в основе рунич. *sasi* и галльск. *so-siv*, очевидно, можно считать параллельной по отношению к микен. *do-de*, лат. *nōn* < *nō-ne*, *quoque* и греч. *tó-te* (в связи с параллелизмом **sól/-se* и **tó/-te*)]. Видимо, здесь мы имеем дело лишь со сближением изначально конкурирующих элементов.

Другими членами этого класса, на которых мы здесь не будем специально останавливаться, являются эмфатическое **óm/-em*, часто встречаемое после местоимений, и модальное 2. **kóm/-ken* (отличное от частично омофонного 1. **kóm* "с", которое относится к полному/нулевому классу: ср. **kṃ-ti*; это разделение можно найти уже у Бругмана [1, II, с. 851—856]).

4d. Аблаут полной/нулевой ступени был установлен очень давно и поэтому считается само собой разумеющимся. Однако многие часто цитируемые примеры чередований в наши дни следует коренным образом пересмотреть.

4di. Важными для нашего исследования являются локативные наречия *ep-i/p-i*, *áp-o/p-o* (соответствующее **ti* < **é-ti* не существует в связи с различиями в морфемной границе), **sóm/sm* "вместе с"; 1. **kóm/kṃ-* "(вместе) с" **én/ṇ-* "внутри"; конечно, сюда же относится поздней.-е. отрицательная частица **né/ṇ* (из среднеи.-е. **nō/ne*).

4dii. То, что лингвист исключает из рамок своего исследования, для заключительных стадий анализа может быть в той же степени полезным, как и то, что он в свой анализ включает. Некоторые мнимые частицы, которые часто приводятся в научной литературе как примеры количественного аблаута, следует исключить из нашего материала. К примеру: инд.-иран. *ádhi/dhi* (эпическое *dkṣiṣṭhita-*) или *abhi/bhi* (вед. *bhiṣáj*); в этих формах не представлен полный/нулевой аблаут; налицо лишь различия между цепочкой частиц и простой частицей, т.е. **e/o-dhi* и **e/o-2.bhi*. Построение В. Шульце **éni/ni* также должно быть исключено, так как **én/ṇ-* обозначает "внутри", в то время как **nej/ni* значит "прочь". Несмотря на тот факт, что первое, без сомнения, может расширяться посредством **-i* (греч. *ἐνί*, вед. *ánika-*), семантика "внутри" все же существенным образом отличается от семантики "прочь", что не дает возможности подвести эти частицы под один знаменатель [25, с. 350—351]. В то время как **po*, нулевая ступень чередования от **ápo*, по всей вероятности, встречается в хет. *pe-* "прочь" (**po-i*) и в форме **po-s-* "позади", все же ее нельзя вывести из **pó-ti* "против, прочь" (форма **proti* возникла в результате контаминации с **pró*).

4diii. Качественный аблаут. От вышеупомянутых сильных форм аблаута на **ó/e* чередования на *-o* отличаются ударением и местом в парадигме. Примерами безударного аблаута на *-o* могут служить формы **opi*, **opo*, **sóm*.

5. Синтаксис: Комбинации частиц друг с другом.

5a. Структура слова. Обычно говорят, что грамматически правильно образованное и.-е. слово должно обязательно содержать корень и окончание (окончание может быть и нулевым); в его составе могут также быть один или более суффиксов. Итак, мы подходим к классической формуле структуры

слова:

$$\text{СЛОВО} = K(+C_{1..x}) + O$$

Но эта известная формула является неполной, потому что в языке, как мы уже видели, существуют частицы. Дистрибуция частиц весьма своеобразна: они никогда не могут замещать в слове ни один из трех других классов морфем, но могут быть либо в начале, либо в конце слова. Практически это означает, что частицы стоят либо перед корнем, либо после окончания. Таким образом, они не взаимозаменяемы с другими классами морфем. Поэтому более полную формулу можно представить в следующем виде:

$$\text{СЛОВО} = (Ч+) K(+C_{1..x}) + O(+Ч)$$

Эта каноническая последовательность морфем для существительных, прилагательных и глаголов позволяет сделать выводы относительно возможностей, метаанализа. Например: вследствие своего центрального положения в слове класс С чаще остальных классов участвует в процессах переосмысления значения слова и передвижения границ между морфемами в слове.

5б. Цепочки частиц. Частицы отличаются от других классов морфем главным образом тем, что, попадая в положение под ударением (в отличие от корней, суффиксов и окончаний), они могут сами по себе образовывать самостоятельные полнозначные слова (например, **pró*). Именно поэтому следует привести еще одну, совершенно отличную от приведенных выше, формулу структуры слова:

$$\text{СЛОВО} = Ч$$

Класс Ч может обладать рекурсивностью, т.е. повторяться, — это свойство, кроме частиц, отмечается лишь у суффиксов (весьма частотна последовательность "окончание + серия окончаний"; однако эта последовательность восходит к гиперхарактеризации, сопровождающейся утратой части значения). Одна и та же частица может повторяться:

$$\text{СЛОВО} = Ч_1 + Ч_1,$$

к примеру, у Гомера *própro*, вед. *prá-pra*, хет. *parā parā*. Если ударной является только первая часть слова, то такое построение называется итеративным композитом (*āmreḍita*). Наиболее древние конструкции *āmreḍita* еще подвергаются аблауту (**apo-po*, **nō-ne*), более поздние, однако, аблауту не подвергаются (**própro*). Если бы этот тип композитов восходил к наречиям, мы имели бы дело с переходом формулы $\text{СЛОВО} = Ч_1 + Ч_1$ в $\text{СЛОВО} = \text{СЛОВО} + \text{СЛОВО}$.

Но та или иная частица может комбинироваться и с совершенно другими частицами, а также с уже упоминавшимися выше группами особых неизменных окончаний (**-dhi*, **-ti*, **-tos*, **-ter*, **-s-*, **-r*, **-o*). Мы имеем здесь дело с весьма своеобразной, недостаточно исследованной структурой слова, которую можно назвать цепочкой частиц:

$$\text{СЛОВО} = (Ч+) Ч(+O_2)(+Ч)$$

Наиболее известными примерами являются: вводная частица **nú ken* и конъюнктивные (союзные) частицы **h₂u-te*, **h₂u-k^{ue}*; **át-k^{ue}* и **át-h₂o* [вед. *at-ha*, греч. (гом.) *át-ár*, лат. *at* < **ata*]; местоименная частица *so/to-(o)u-* (без ларингала). Структура $Ч = O_2 = Ч$ встречается в хет. *kā-r-u* < **ko-ru*, гот. *hiri* < *kī-r-ej*, др.-инд. *makṣú* < **mok-s-u*, максимальная структура представлена в греч. *δε-ῶ-ρ-ο*.

Длина подобных цепочек не ограничена. До тех пор, пока хотя бы одна из частиц находилась в положении под ударением, все остальные могли оставаться энклитками, так как в индоевропейском число следующих друг за другом безударных слогов было неограниченным (целое и.-е. предложение должно было содержать лишь один ударный слог).

Число слогов, возможных в пределах одной частицы, также не является определенным. С чисто описательной точки зрения многие частицы являются односложными, но некоторые бывают и двусложными. Трехсложные несклоняемые формы нередко встречаются лишь в отдельных диалектах, однако не представляется возможным проследить их историю в индоевропейском: большинство из них являются по сути комбинациями из нескольких частиц, т.е. вторичного происхождения. Гипотеза об изначальной односложной структуре частиц привела бы к необходимости признать, что все двусложные частицы являются фактически производными (т.е. представляют собой цепочку частиц). Это, однако, будет преувеличением; двусложные частицы, не поддающиеся анализу, встречаются редко.

Среднеиндоевропейский период был особенно продуктивным в образовании агглютинирующих цепочек частиц. В анатолийском вводные цепочки частиц были еще довольно жизнеспособными, и потому их анализ не представляет больших затруднений: хет. *nu=wa=šmaš=(š)ta*, *mānn=a=wa=mu*, *kinun=ma=wa=tu=za*... Сопоставимые формы встречаются в позднейиндоевропейском в большинстве случаев в виде окаменелых местоименных корней [39, с. 266—275; 40; 16; 37, примеч. 42, с. 169 и сл.] или наречий. С другой стороны, в отдельных языках появилось новое "поколение" цепей частиц, например, в греч. (гом.) *εἰ δέ, ἐνθ' ἣ τοι τοὺς μὲν, ὅφρ' ἄν μὲν κεν, ἧ ῥάνυ, οὐ γάρ πώ ποτέ μοι*; вед. *acha sma nah, dd id u, to sú, tvāná < tú vaí evá* и т.д. О некоторых принципах комбинирования частиц друг с другом писали, в частности, Д. Монро, Й. Вакернагель и Э. Ларош; однако тема эта до сих пор полностью не исчерпана. Только на основе детального и кропотливого исследования каждого отдельного случая можно добиться успеха.

Сравнение этих независимо развившихся друг от друга и весьма различных в отдельных языках цепочек частиц возвращает нас назад к очень древним группам типа: **nú ken*, **át nu*, **át egh₂*, **át tuH*. Однако если обратиться к некоторым комбинациям местоименных основ и наречий в позднейиндоевропейском (в настоящее время вне рассмотрения должны остаться цепочки частиц, которые представлены в виде окаменелых союзов: лат. *denique, don, cum*, греч. *μεσποδῖ, ἐμπροσθεν, αὐτάρ, διαμπερές*, хет. *ma-an > mān, kuit-man, mahh-an-da, katt-an-da*; скр. *tādd-n-īm* и т.д.), принадлежность их к среднеиндоевропейскому становится сомнительной. Если мы не ограничим исследование рассмотрением только форм, поддающихся сравнительной реконструкции, но примем во внимание также и "спроецированные в обратном направлении" последовательности частиц, то исследуемые структуры существенно расширятся. Особенно интересна последовательность рядов с измененным положением членов.

Местоимение / Частица + **ke/i* оскск.
iz-l-k, id-l-k, f. fū-k
лат. *hi-ce*

**ke/i* + Местоимение / Частица прагерм.
**xai- < *ko(i)-i- прагерм. *xina- < ke-no* [37, примеч. 42, с. 173, 177] греч. *ἐκεῖνος < *e +*
+ ke(i)-eno оскск. *eks-, ex < *e + ke-so* литов.
*šitas < *ki-to-*

(Наречия)

лат. *si-c < *sej-ce*; др.-лвт. *sā-c(e)*
лат. *nun-c(e)*

лат. *ce-do*
хет. *ki-num*

Местоимение / Частица + **tō/-te*

греч. *οὐ-τος τοῦ-το < *so-h₂-to-*
мик. *to-to (āmredita)*
лат. *is-te*; 2 л. ед.ч. *tū-te*
литов. *šitas < *ki-to*

(Наречия)

хет. *na-tta < **nō-te*
др.-инд. *utá*, греч. *αὐ-τε < *h₂u-te*
греч. *δ-τε, πό-τε*

**tō/-te* + Местоимение / Частица

греч. *τῆνος < *te-eno*

хет. *ta-kku < *tō-kⁱe*
гот. *þau < *tō-h₂u*
греч. *τό-τε < *tō-te*

Местоимение / Частица + *só/-se*:
лат. *ip-se* < **is-se*, *ille* < **ol-se*
рун. *sa-si pat-si*, др.-англ. *pes* < **so/10-se*

**só/-se* + Местоимение / Частица
греч. *о-ῥ-τος*

галльск. *so-siv*
оскск. **e-ke-so-*
хет. *našši*

прагерм. *sa-i* [37, примеч. 47, с. 182 и сл.]

5с. Сети частиц (соссюровские "ассоциативные и парадигматические отношения"). Анализ сетей частиц или их "вертикального и горизонтального сцепления" дает возможность выявить точки соприкосновения частиц, их эквивалентные формы, взаимозаменяемость частиц, а также значения этих морфем, трудно поддающихся исследованию. Приведем два примера.

5сi. Соединения вводных частиц с союзными:

"нет"	* <i>né-kʷe</i>	* <i>ne-h₂u</i>	* <i>ne-h₂ukʷe</i> (нем. <i>noch₁</i>)
"сейчас"	* <i>nú-kuʷe</i>	* <i>nú-h₂u</i> (в Ригведе <i>nú</i>)	* <i>nú-h₂ukʷe</i> (нем. <i>noch₂</i>)
"тогда"	<i>tó-kʷe</i> (хет. <i>takku</i>)	* <i>tó-h₂u</i>	* <i>tó-h₂u-kʷe</i> (нем. <i>doch</i>)

Случай, отклоняющиеся от общего правила:

(запретят).	* <i>mé-kʷe</i>	* <i>mé-h₂u</i>	* <i>mé-r</i>
"но"	* <i>át-kʷe</i>	* <i>at-h₂o</i>	* <i>at-r</i>
"и"	* <i>kʷó-kʷe</i>	* <i>kʷe-h₂u</i>	* <i>kʷe-r</i> (или * <i>kʷó-r</i> ??)

дают возможность допустить существование союзного **r* (ср. палайское эмфатическое *-kuwar* и греч. *átar* [37, примеч. 7]), совершенно отличного от наречного или локативного **-r* (лат. *quor*, *sur*, литов. *kuř* и герм. *hī-r* [41, с. 139]). Она также позволяет, вопреки мнению Хэмпса о происхождении литов. *iř* (дейктическое **-i* плюс локативное **-r*), истолковать его согласно более старой этимологии — непосредственно из союзного **r*. Естественно, ни локативное, ни союзное **r* не имеют никакого отношения к **-r* в медиальных окончаниях.

5сii. Наречное 0: **-s*: **-n*. Не все возможные сети частиц на синхронном уровне следует принимать всерьез. Приведенный ниже материал показывает, что можно говорить об отношениях эквивалентности между наречными расширителями нуль, **-s* и **-n*:

Локативное наречие	лат. <i>pri-or</i>	<i>pri-s-cus</i>	πριν
* <i>ni</i>	вед. <i>ni</i> , <i>vo</i>	— — —	<i>nūn-dm</i> , <i>vūn</i>
Мультипликат. суф.	- <i>aki</i> * <i>dʷi-</i>	- <i>akis</i> * <i>dʷis</i>	* <i>akiv</i>
Окончание I л. мн. числа актива	* <i>-me</i>	лат. <i>-mes</i>	др.-инд. (<i>dʷim-satf-</i>)
Твор. пад. мн. числа	- <i>φι</i>	- <i>bhis</i>	греч. -μεν
Местоимение в дат. пад.	ἄμιν	—	-φιν
мн. числа I л.			ἄμιν
* <i>h₂oju-</i>	ἄνυ, οἷ	<i>dʷus-</i>	ἄει, αἰές, αἰών, αἰέν

Наречное **s* присоединяется не только к частицам, но и к именным и глагольным окончаниям; как в ранние, так и в более поздние периоды развития языка оно является довольно продуктивной морфемой. Материал же, иллюстрирующий параллельное наречное расширение **-n*, далеко не однозначен. Например, **nun* является обратным образованием от прилагательного **nū-nō* [41, примеч. 6, 59], греч. *αἰών*, *αἰέν* также являются обратными образованиями от локатива на **-en*. В чередующемся окончании I л. мн. ч. **men*/**-mṇ* элемент **-n* был постоянным, ср. хет. *-tanī* др.-инд. *ta*. Вывод: для индоевропейского можно постулировать наречное *s*, но не наречное **-n*.

6. Относительная хронология.

К сожалению, рамки нашего исследования не позволяют заняться подробным анализом хронологии развития частиц. Мы имеем в виду вопросы типа: относительная хронология различных связочных процессов; поддающихся датировке

универбизации, касающиеся частиц (*dividere, reciprocus...*); возникновение тройного деления функций наречий места (наречие, proverb, адноминал); перераспределение аблаутных классов отдельных частиц; переосмысления значений, произошедшие уже в индоевропейскую эпоху, и т.д. Все это совершенно самостоятельные вопросы, каждый из которых требует детального изучения.

Приведем лишь один пример. В рамках дейксиса **i/u* значения **-i* "hic et nunc" и **-u* "ibi et tunc" в результате флективных и словообразовательных процессов довольно далеко разошлось. Здесь мы имеем дело не со свободной цепью частиц, а с агглютинирующими морфемами-окончаниями типа форм род. п. мн. ч. **-o-n-s* и местн. п. мн. ч. **-o-i-s*. Эта подсистема должна была существовать в среднеиндоевропейский период, так как ее следы отмечаются в анатолийском индикативе/императиве (а также в хеттском локативе мн. ч. (*-as* < **-osi* [42, с. 193])).

	Нейтр.	Hic et nunc	Ibi et tunc
3 л. ед. числа	<i>*-i</i>	<i>*-i-i</i> (индикатив)	<i>*-i-u</i> (императив)
Тематич. локатив мн. числа	<i>*-ojs</i>	<i>*-ojs-u</i>	<i>*-ojs-u</i>
Наречие на <i>*-s</i>	лат. <i>tox</i>	греч. <i>bp-i</i>	др.-инд. <i>maks-ú</i>
Наречие на <i>*-r</i>	лат. <i>cúr</i>	гот. <i>hir-i</i>	хет. <i>kār-u</i>
Местоимения	<i>*ós?</i>	хет. <i>aš-i/un-i</i>	вед. <i>as-áu/am-ú + m</i>
	<i>*só</i>	зап.-герм. <i>*sa-i</i>	греч. <i>ò-ṽ-toç</i>

На этом можно было бы закончить наш краткий обзор грамматики частиц. В качестве практического применения нашей концепции мы остановимся на одной из все еще не решенных проблем в области грамматики местоимений.

7. Местоимение **so/to-*.

7а. Утрата в анатолийском или позднеиндоевропейское новообразование? Парадигма **só sđ tod* со своеобразным распределением согласных **s*, **t* не встречается в анатолийском. Если исходить из концепции Стертеванта [43—44] о том, что мы имеем здесь дело с универбацией (по его терминологии, "конгломератом") вводящих предложение частиц, **só/se* и **tód* с энклитическим местоимением **-e/o-*, то отсутствие этой парадигмы в анатолийском было бы столь же убедительным, как и, наоборот, сохранение *kuenzi/kunanzi*. Если бы *só sđ tod* было общей инновацией в позднеиндоевропейском, то это являлось бы неопровержимым аргументом в пользу раннего расщепления анатолийского⁹. Однако Коугилл, будучи сторонником индохеттской гипотезы, все же отклонил теорию Стертеванта в пользу гипотезы утраты местоимения **so/to* в анатолийском. Он писал: "Я не вижу никаких оснований считать, как это делает Стертевант, что неанатолийское указательное местоимение **só*, **sđ*, **tód* возникло в результате комбинации вводных синтаксических частиц с энклитическими местоимениями, которые были сохранены без изменений в хеттском. В равной мере возможно, что местоимение **so/to-* существовало в праанатолийском, но было там утрачено, и что вводные синтаксические частицы в хеттском не имеют никакого отношения к его генезису" [47, с. 562].

Но все же обе эти гипотезы не равнозначны. Коугилл, в частности, не может объяснить ограничение на употребление местоименных корней *ša*, *ta* и *na* исключительно в позиции начала предложения. Но, с другой стороны, уже давно Вакернагель и Хирт предлагали считать неизменяемое ведийское *sá* одной из разновидностей наречия, не имеющей никакого отношения к хеттскому [21, с. 258 и сл., с. 976, примеч.; 48, III, с. 13 и сл.; 26; 32, IV, с. 140 и сл.]. Против утвер-

⁹ Это хорошо исследовано А. Гётце [45, с. 53]. Он писал: "До тех пор, пока не будет доказана ошибочность его [Стертеванта] аргументации, я считаю его доводы решающими для обоснования индохеттской гипотезы". В [46, с. 60] читаем: "От этой аргументации не следует так легко отказываться, как это до сих пор делалось".

ждения Коугилла говорит также и появление самостоятельных форм *ta* и *žu* без каких-либо местоимений (тип *ta=še žarniki* "он заменяет [это] для него"), опять-таки только в начале предложения. Таким образом, парадигму **so/to* нельзя, с нашей точки зрения, рассматривать ни как единую, ни как не подпадающую анализу: мы имеем здесь дело с цепочкой частиц. Многообразие форм частицы **so* мы уже установили выше.

7б. Энклитика **e/o-* в формах именительного-винительного? Большой проблемой при разработке теории Стертеванта в ее первоначальном виде был тот факт, что местоименный корень *e/o* поддается реконструкции не в прямых, а лишь в косвенных падежах, в тех случаях, когда этот корень функционирует в качестве супплетивной формы к **ei/i: *ei *im *esio *esmei*. Можно попытаться разрешить эту проблему разными способами. Можно, в частности, восстановить среднеевропейскую парадигму **os *om *od* на основе хеттских форм *aš-an-at* (энклитики), *aš-i un-i* (ортотон); вед. *as-āu am-ū + m* "ad-ās" (собственно **ad-āu*, ср. иран. **au-at*) и др.-лат. аккузатив *em*, с усилением (*verstärkt em-em* (как *id-em*). В связи с этим Стертевант указывал, что "нет ничего странного в том, что индоевропейский утратил энклитическое **-os*. В связи с тем, что **so *sā *tod* взяли на себя функцию местоимения, необходимость в соответствующей энклитике отпала" [43, с. 17]. Однако как в таком случае следует понимать отношение этого местоимения в **ei *im *id* и его функциональное отличие от них?

Другой трудностью объяснения **-e/o* в форме прямого падежа является необходимость привлечения для этого различных параллельных гипотез в целях объяснения возникновения краткого корневого гласного в **so/to-*: ни элизия, ни сокращение, например, не могли обусловить переход стяженного **id + om* в краткое **idm*.

Я считаю, что этот краткий гласный — не следствие элизии, стяжения или сокращения, а результат непосредственного присоединения окончания к частице: вин. п. ед. ч. муж. р. **to + m*, им. п. ед. ч., ср. р. **to + d*, им. п. мн. ч., муж. р. **id + j*, им.п. ед. ч., муж. р. **so + 0*; вин.п. ед.ч. муж. р. **se + 0*; дат. п. ед.ч. **so + j*, им. п. ед. ч. жен. р. **se + h₂, *si + h₂* и т.п. Именно поэтому добавление местоимения **e/o* в формах им.-вин. падежа является совершенно излишним¹⁰. В данном случае теория Стертеванта упрощается: не возникает необходимости в новом местоимении или в стяжении, наличие которых требует дополнительных гипотез.

7с. Позднеиндоевропейское распределение **s, *z* нельзя считать таким абсолютным, как может показаться при рассмотрении формулы **sō sđ idōd*. Отклонения в отдельных языках не могут поколебать эту реконструкцию. Обобщение корня **t* в косвенных формах и в среднем роде представлено в балтославянских формах муж. и жен. рода им. падежа ед. числа: **tos, tā*, в лат. *is-te* по аналогии с *is-tud*¹¹; в зап.-герм. *der, die* (др.-в.-нем. *der, diu*). Обобщенный корень **z* встречается часто, несмотря на то, что **z-* не очень частотен в парадигме: в греческом (кроме дорийского и северо-западного диалектов) представ-

¹⁰ Я бы скорее объяснил **os* на основе аналогии. Если исходить из хеттского наречия *kuwai* (в противоположность парадигматическому *kuii*), то в соответствии с нашими исследовательскими принципами **k^uod* нужно признать исконным. В этом случае **k^uid* можно истолковать как аналогическую форму к корню **kui-*, выражающему одушевленность. Вопросительно-неопределенное **k^uo/kuⁱ* было в основном параллельным дейктическому **ei/i-* (ср. оформленный подобным же образом им. п. ед. ч. **ei* и **k^uoi*). Подобно тому, как **k^uod* соотносится с **k^uis *k^uim*, могла, видимо, существовать и форма ср. р. **od* наряду с **is *im*. По аналогии к этому **od* были образованы формы муж. р. **os *om* в хеттском и ведийском.

¹¹ Или *iste < *is-te*, ср. — с обычным параллелизмом **sō* и **id-*, **is-se < ipse* (с промежуточной формой *eum-p-se*)?

лены формы им. падежа мн. числа *oi, ai* ([20, с. 610 и сл.]¹², в кельтском находим **s-* во всех родах и падежах указательных и эмфатических местоимений [34, § 368—370; 35, § 482; 50, с. 219—223].

Важным представляется материал лытыни и ведийского. Встречаемые девять раз в Ригведе *sásmín áhan údhan* в "Altindische Grammatik" [52, III, с. 542 и сл.] объясняются как "индивидуальные подражания" форме *tásmín* (встречается 22 раза). Однако с одной стороны, эту форму можно рассматривать как тмезис от "*samásmín*" (т.е. первоначально "в тот же день") [51, с. 204, примеч. 189: ссылка на Ригведу 10.95.11], а с другой стороны, это форма, должно быть, очень древняя. Таким образом, необходимо принять во внимание все источники возможного происхождения формы *sásmín*: она является одновременно как унаследованной, так и инновацией (среднеиндийскую форму им. падежа мн. числа *se* "té" (при *tāo*="tās") Вакернагель объяснял на основе обобщения форм ед. числа: *se* возникло из *sáh* [21, с. 391 и сл.]).

Древнелатинские формы вин. падежа *sum sam sōs sās* (Ennius. Annales; XII Tabulae) прежде также толковались как новообразования. В "Древнеиндийской грамматике" [53, III, с. 543] говорится, что эти формы "наверняка не имеют ничего общего с лат. *sum sōs sās*". Но я, впрочем, не особенно в этом уверен (см. об этом ниже § 7e).

7d. Выше мы подробно остановились на особенностях различных частиц в отдельных языках, существуют и очень древние формы на **s*. Помимо сохранившейся формы им. падежа **sá, *sā* (категория одушевленности) в праязыке существовали, по всей вероятности, и другие формы с начальным **s-* [53, с. 471, 481; 1, II, 2, с. 390; 40, с. 146 и сл., 164 и сл.; 50, с. 224 и сл.; 16, с. 75 и сл.]. Моя точка зрения совпадает с основными концепциями названных ученых по двум главным пунктам: 1) существовало личное местоимение 3 л. ед. числа, безразличное к категории рода и начинавшееся на **s-*; 2) возвратная функция этого местоимения, и в частности возвратная форма на **su-*, развились из этого последнего местоимения [Только Вакернагель придерживался обратного мнения, считая возвратное **sye/o-* исконным, а его переосмысление в анафору (как и упрощение анлаута **sye > *se*) — вторичным [21, с. 555 и сл.], Дельбрюк [53, с. 470 и сл.; с. 478 и сл.] придерживался мнения, что анафорическое **so* и рефлексивное **syo* являются первичными (uralt) и не родственными друг другу.] Безусловно, не исключены были и различного рода поздние контаминации, как, например, в латинском и греческом.

Моя точка зрения, однако, существенно расходится со взглядами вышеупомянутых ученых в следующих двух пунктах: 1) характер парадигмы указанного местоимения 3 л. ед. числа на *s-* и 2) его "соотношения" с указательными формами **so/to*.

7di. На основе следующих фактов можно постулировать наличие энклитической формы дат. падежа ед. числа **soi* [53, с. 470 и сл.; 478 и сл.; 1, II, 2, с. 319 и сл.; 40, с. 146—147; 16, с. 75]; греч. анафорич. *oi* (в основном энклитическое и без дигаммой) наряду с возвратным *For* (в большинстве случаев ортоническим и с дигаммой) [53, с. 481 и сл.; 20, с. 607, прим. 6; 40, с. 146]; иранские формы анафорического дат.-вин. падежей **hai* (др.-авест. *hōi*, нов.-авест. *hē/šē*, др.-перс. *saīy*); пракрит. *se*. Последнюю форму можно рассматривать, конечно, и как внутренне-индийскую ([52, с. 484 и сл.]; Шеллер придерживается старой концепции, согласно которой пракрит. *se* выводится из формы род. п. *asya*, но ничего не говорит о греческих или хеттских соответствиях [54]); мне кажется, однако, что этого делать не следует. С точки зрения сравнительного анализа мне представляется нецелесообразным полностью исключать возможность существования инд.-иран. **sai*. Наконец, хет. *-ši* (по аналогии с *-ši* в хеттском образованы

¹² Риш считает географическую классификацию Швицера "нудной" ("irritierend") [49, с. 281, примеч. 34]].

формы род. п. *šel*, дат.-местн. *šetani*, аблат. *šej* [55, с. 63—67; 40, с. 162]) выступает в функции дат. п. ед. числа по отношению к энклитической форме *-aš, -an, -at*¹³.

Таким образом, форма **soj* функционировала как энклитическая анафорическая форма, т.е. как безразличная к падежу форма дат. падежа к форме **só* [53, с. 471; 1. с. 319 и сл.]. Наряду с ортотонической формой **tósmei* она в определенной мере была параллельна форме **moi*, существовавшей бок о бок с более протяженными ударными формами **mé-ghi* и **toi* vs. **tú-bhi*. Аблатив местоимения **so/to* обладал как расширенной формой **tósmod*, так и сокращенной **tôd*, хотя оба варианта начинались на *t-* и были под ударением.

7dii. Формы им. падежа ед. числа жен. рода **si-h₂* (параллельно с формой **se-h₂* [53, с. 469 и сл.; 1, с. 321; 54, примеч. 73; 40, с. 147; 16, с. 76 и сл.], гот. *is si ita* и др.-иран. *(h)és sí (h)ed*) обнаруживают, как это уже отмечалось в § 4b, форму **sī*, проникшую на место формы жен. рода **ih₂* (вед. *iy-ám*) в парадигме **ei-/i-*.

Форма *sīm* в Ригведе по происхождению является формой вин. падежа ед. числа жен. рода. По образованию она параллельна *īm*, но восходит к тому же корню, что и *sā*. Утверждения о том, что эта форма "безразлична к роду и числу" [56, s.v.; 52, с. 482 и сл.], сильно преувеличены. Из 49 достаточно ясных случаев видно, что подавляющее большинство из них — формы жен. рода¹⁴:

	Муж. род	Жен. род	Ср. род
Ед. число	14	11	3
Мн. число	2	10	1
Дв. число	—	8	—
Всего	16	29	4 (неясных случаев 3)

Гораздо более важным, чем чисто статистические подсчеты, представляется тот факт, что использование форм жен. рода является исходным пунктом расширения сферы "безразличного к роду и числу" употребления. Неразличение числа берет свое начало с форм двойственного числа жен. рода: семь мест восходят к *ródasī* или *dyāvārthivī*, один случай — к *usásā* [в значении "утро (и ночь)"], т.е. к форме жен. рода дв. числа. Вследствие развития подобных процессов и форма *sīm* расширяет диапазон своего употребления и начинает использоваться в языке сначала как форма жен. рода мн. числа (реки, гимны, богини), а потом — и как формы других родов.

Мы рассмотрели происхождение и распространение формы *sīm*; однако эта форма в синхронии парадигматически и формально соотносится с *sā*. Встречаются трансформации, в которых *sīm* в активе замещается формой *sā* в пассиве, например: "они ведут его (Агни) вокруг" параллельно с "он обводится вокруг" (в гимнах Агни):

1.95.2d *virócamānam pári sīm nayanti*

3.2.7c *só adhvarḍya pári ṇīyate kavīr*

4.9.3a *sā sādma pári ṇīyate*

Форма *sīm* одновременно является и энклитическим вариантом в неначальных позициях слова, начинающегося на *ta-*.

6.48. 4c. *arvācaḥ sīm kṛnuhy agnē 'vase* (а Агни) "Склоните их (богов: в стихе а) к (сотворению) помощи"

1. 164. 19b *yé párdhīcas, tīn' u arvāca dhuh* (к Висве Девас): "Кто уклонился, тех называют склонившимися"

¹³ Весьма сомнительно утверждение, что *še* могло выступать в качестве простого местоимения, т.е. *ta-še* как *ta-aš, ta-an* и *ša-še* как *ša-aš, ša-an*; согласно гипотезе Стертеванта, речь здесь может идти о сочетании частицы с местоимением (или, согласно моей концепции, частицы с окончанием). Универбиация и энклитический характер формы **so-i* в этом случае, видимо, относятся к очень раннему периоду.

¹⁴ Я критически пересмотрел приводимые Грассманом [52] примеры, поскольку его интерпретация в какой-то части весьма спорна.

10. 38. 4cd *t á m...srutám náram / arv.ñcam índram dvase karāmahe* (к Индре) "Этого ... великого героя Индру мы склоним к [сотворению] помощи".

Нечто подобное можно наблюдать и в Авесте: везде можно встретить ударные вводные формы на *ta-*, перемежающиеся с энклитическими формами на *hi-*:

Yt. 5. 17—18: *təm [= arəduuīm sūrəm anāhitəm] yazata yō daduuā ahurō mardā ... āaī hīm jaiḍiaī* "Ей [Ардвисур Анахите] создатель принес в жертву... И он попросил ее..."

Yt. 15. 39—40: *təm yazənta kainina ... āaī hīm jaiḍiīən* "Ему (успеху) приносят в жертву девушек... И они попросили его..."

Yt. 8.40: *tā tištriīō tauruuaiieiti, vīuuāiti hiš zraitiaphaī haca vouru. kasāt* "Он (Пайрикас) пересиливается Тистрия, он преследует их от моря Воурукаса"

В одном из мест Ригведы, видимо, обнаруживается даже энклитический им.п. **sī*, хотя и в испорченной форме:

4.30.11 *etād asyā ānaḥ śaye
śūsampistam vīpāśy d
sasdra śīm parāvātah*

большинство переводчиков передают *śīm* как эмфатический номинатив: "Эта ваша повозка лежит вся раздробленная и разрушенная в Випаш. Она убежала вдаль..." (К. Хофман); "... она (сама) убежала вдаль" (Гельднер); "... сама она исчезла вдали" (Х. Ольденберг).

Для того чтобы получить удовлетворительное описание и.-е. формы **siH-*, необходимо четко ответить на три вопроса. Два первых — откуда начальное **s-* и корень *-i-* — обычно рассматриваются вместе.

Бругман высказал предположение, что **sī* чередуется с **siā* корня **siō/tiō-*. Это не исключено, но все же представляется маловероятным, так как хорошо сохранившийся в индийском (ср. встречающуюся в Ригведе форму *śya/tya-*; сюда не относятся *haṇa*, *taṇa*, которые следует понимать как двусложные [49, с. 655 и сл.]), германском (иначе у Г. Клингеншмитта [37, примеч. 42, 183]), литовском и древнеирландском корень **siō/tiō* никогда не обнаруживает подобного аблаута. По своей этимологической структуре (адъективное производное на **-iō-* от корня **so/to-*) он был невозможен.

Некоторые ученые полагают, что в ведийском протетическое **s-* присоединялось к указательному **ei/i-* либо вследствие перемещения границы слова (*nis im > niśīm*) (как в авест. *dim* или греч. *μιν*; об этом ясно сказано у М. Шеллера [54, примеч. 73]), либо вследствие контаминации (*īm* × дат. пад. **se=sim*) [5, s.v. *sim*]; это явление возможно уже в праязыке, причем реализовывалось оно опять-таки посредством контаминации (**ih₂-* × **só=sih₂-*) [16, с. 77 и сл., 82; 50, с. 212, 223]. В последнем случае слишком большое внимание уделяется германскому и кельтскому синкретизму (**sī* в парадигме **ei/i-*) и оставляются без внимания другие формы на **s-*.

Несколько другой путь решения этой проблемы предложил Г. Шмидт; он восстанавливает парадигму им. падежа **siH* и вин. падежа **ti* на основе анатолийских возвратных частиц и утверждает, что эта парадигма отдаленно родственна форме **só* **iót* [40, с. 149 и сл., 164]. Но его подход оставляет без рассмотрения вопрос о том, почему форма **sī* всегда жен. рода.

Третий вопрос — почему **-i-* долгое — также по-разному решается разными исследователями. Ф. Шпехт предположил удлинение односложной формы (**sim > *sūm*). Но краткое **i* представлено только в древнеперсидском. Бругман предполагает существование **h₂-* с собирательным значением. Однако неразличение рода и числа, на котором основан этот тезис, как мы видели, является хронологически достаточно новым. Г. Шмидт полагал, что **-H* — это окончание им. падежа, как в формах **eḡH* и **tuH*. Но это предположение также не дает ответа на вопрос — почему **sī* жен. рода. Ларингальный, таким образом, является одним из показателей жен. рода — **-h₂* (так у Дельбрюка, Вакернагеля и Зебольда), а не **-h₃*, как у слов со значением "я" и "ты".

Свою собственную точку зрения я могу кратко сформулировать следующим образом: форму **sih₂* надо рассматривать как изначальную форму жен. рода указательного корня **si-*, которая супплетивна по отношению к **só*. Моя точка зрения существенно отличается от всех вышеизложенных. Я считаю, что форма **si-h₂-* непосредственно соотносится с **so*, подобно тому, как это наблюдается в отношении **k^wi-* и **k^wo-* [40, с. 148].

7diii. Форма аккузатива **se* соотносится с греч. *ἐ* (в отличие от возвратного *ἑ*) и представлена в различных образованиях с расширителями типа др.-лат. *sē-d*, оскск. *síom* < **se-om* **sē-om*, русск. *-ся*, церк.-слав. *se* < **sē-m*, гот. *si-k* < **se-ge*.

Большинство исследователей единодушно считает, что возвратные функции этих форм являются вторичными и развились из 'исто анафорических [такого мнения придерживались Дельбрюк, Бругман, Г. Шмидт, Зебольд; только Вакернагель высказывал противоположную точку зрения (см. выше)]. Но анафорическая форма — это на самом деле лишь ослабленная указательная. Именно поэтому мы пытаемся рассматривать эти *s*-формы вместе с местоимением на **so/to*.

Представляется, что аккузатив **se* находился в акцентно-трансформационном соотношении с **tom*. То, что мы выше говорили об арийском *sīm* наряду с *sá*, *tām* и *tām*, вполне относится и к гомеровскому греческому *ἐ*, существовавшему бок о бок с *τόν* и *τούς*. Приведем примеры из "Илиады": энклитика в 2.197 *φίλετ δέ ἐ μητιάτα εὐς* и 10.245: *φ'ίλετ δέ ἐ Παλλὰς Ἀθήνη* представлена вместе с находящимся под ударением местоимением в 16.94: *ἦ μάλα τούς γε φίλετ ἐκ'αεργός Ἀπόλλων*. Подобно этому 18.119: *ἀλλά ἐ μοῖτρα δάμασσε ...* наряду с 5.106: *... τὸν δ'οὐ βέλος ὦκ' ὀδύρασσε* или опять 22.172—173: *... νῦν αὖτε ἐ δῖος Ἀχ'ἄλλεος / ἔστυ πέρι πρίαμοιο ποσὶν τάχεεσσι διώκει* наряду с 21.3: *... τοὺς μὲν πεδίονδε διώκει*; далее: 4.534: *οἱ ἐ μέγαν περ ἑόντα καὶ ἴφθμον καὶ ἀγαυὸν / ὥσαν ἀπὸ σφείων...* наряду с 2.744: *τοὺς δ' ἐκ Πηλίου ὄσε*; или 11.249—250: *... κρατερὸν ῥά ἐ πένθος / ὀφθαλμοὺς ἐκάλυψε κασιγνήτοιο πεσόντος* наряду с 5.659: *τὸν δὲ κατ'ὀφθαλμῶν ἐρεβεννὴ νύξ ἐκαλυψε κασιγνήτοιο πεσόντος* и 7.591: *τὸν δ' ἄχευς νεφέλῃ ἐκάλυψε μελαινα* и т.д.

Если длина гласного является феноменом вторичным, то форма **se* очень напоминает безударный алломорф формы **só*. Частичная парадигма Зебольда — им. п. **só*, род. п. **se* [16] — имеет под собой, таким образом, серьезные основания.

7ε. Комментарий. Противопоставление **s-*, **t-* не является ни непосредственно фонологическим (**t-* > **s-* или наоборот [57, с. 7 и сл.]), ни семантическим (противопоставление сильного дейксиса слабому [1, с. 314; 39, с. 267] или категории одушевленности — категории неодушевленности ([58, с. 188]; такое соотношение действительно существует, но носит не прямой, а косвенный характер [58, примеч. 94]); нельзя также привлекать для сравнения формы причастия активного перфекта **uos/uot* или слово **mēnos/t-* "луна".

Таким образом, возможным остается лишь противопоставление оротонических и энклитических форм. Для указательных форм это не является показательным и характерным, но для личных местоимений это достаточно типично, как, к примеру, в ведийском аккузативе *tvām* наряду с *tvā*, в дативе *tū bhyam* наряду с *te* и т.д.

За пределами номинатива основа распределения форм на **s-* и **t-* вполне ясен:

	Оротонические формы	Энклитики/проклитики
Аккузатив ед. ч. муж. р.	<i>*tó-m</i>	<i>*se</i>
Аккузатив ед. ч. жен. р.	<i>*tē-h₂-m</i>	<i>*si-h₂-m</i>
Датив ед. ч.	<i>*tó-smo-ei</i>	<i>*so-i</i>
Аблатив ед. ч.	<i>*to-ad</i> , <i>*tó-smo-ad</i>	[лат. <i>sēd</i>]

Коэффициент распределения этих форм действительно фонологический, но неожиданно обнаруживает супraseгментный характер: корень *t- встречается в ударных слогах, а корень *s, наоборот, при энклизе.

Если снова обратиться к древнелатинской форме аккузатива на s, то мы вынуждены будем отметить, что предложение с этой формы никогда не начинается; чаще всего эта форма следует в предложении сразу же за предлогом. По сравнению с *eum eam eōs eās* она носит явно безударный характер, что, конечно, объясняется особенностями ее употребления на более ранних этапах языкового развития.

XII. Tab. 77: *ni sam delapidassint, quae volet iumenta agito*

Enn. Ann. 22: *constitit inde loci propter sos dia dearum*

Enn. Ann. 101: *nam sibi quisque domi Romanus halet sas*

Enn. Ann. 151: *circum sos quae sunt magnae gentes opulentae*

Enn. Ann. 219: *in somnis vidit priusquam sam discere coepit*

Enn. Ann. 356: *graios memorare solent sos*

Enn. Var. 3—4: ... *animo benigno circum sum*

Таким образом, мы окончили обзор форм косвенных падежей¹⁵. Однако формы им. падежа ед. числа на *s, выражающие одушевленность, не укладываются в эту схему, так как они являются ударными. Тем не менее материал указывает на отдельные случаи безударности и у форм *so, *sā. Речь идет не столько о греческих формах ὅ, ἡ — они, естественно, являются проклитиками, — а скорее о форме τό и всей остальной парадигме¹⁶. Более важным представляется факт возможной церебрализации начальных согласных в ведийских формах: *sá, sá* [52, с. 54]. Не говорят *hí śótam*, а говорят *hí śu, hí śim, hí śá*. Это свидетельствует в пользу существования более ранней энклитики. Древне-северная форма жен. рода *si* также указывает на развитие, которое возможно лишь в безударном положении.

Внутренняя реконструкция интересующих нас форм приводит к следующему выводу: и.-е. форма *sā могла (с точки зрения ларингальной теории) произойти только из *seh₂, а не из *soh₂; форма *se, как мы видели, является энклитическим алломорфом к *só.

Изначально формы им.п. *so, *sā, *sī, выражавшие одушевленность, были, по всей вероятности, безударными:

	Ортотонич. формы	Энклитики/проклитики
Им. пад. ед. числа муж. рода	—	*so
I'm. пад. ед. числа жен. рода	—	*se-h ₂ *si-h ₂

В ударных формах им. падежа просто не было никакой надобности, так как на субъект в достаточной мере указывалось глагольными окончаниями. В позднесиндоевропейский период долгие варианты форм *so, *sā были "инкорпорированы" парадигмой *tó, а формы *sī в диалектах — и парадигмой *eī/i и в этих парадигмах уже вторично получили ударение.

Но почему возникла ударная форма на *t- для ср. рода? Как только мы задаемся таким вопросом, мы тотчас же приходим к ответу: неодушевленные формы очень редко выступали в функции субъектов при переходных глаголах [60, с. 23 и сл.; 49, с. 734 и сл.]. Но если это все-таки происходило, то возникал уси-

¹⁵ Некоторые наречия восходят к *to-основе: речь идет о цепочках частиц типа *tō-k'e (хет. *takku* "если", ср. *dt-k'e) и *tō-i "столько", а также падежных формах типа аккузатива *tō-m "длящийся в течение определенного промежутка времени" (лат. *tum*, гот. *þan*), твор. п. *tō-h₁ "так" (гом. τῇ), аблатива *tō-ad "тогда" [гом. ὅτω(ς)]. Наречия на *s, однако, также представлены [40, с. 160 и сл.], прежде всего в формах локатива *se-i "в этом (случае)" и твор. п. *sō-h₁ "так" [умбр. *luzit* < *sō-sō-r; др.-лат. *sōs*, греч. указательное ὅς, ὅδε наряду с относительным ὅς < *jō- и сравнительным ὅς (< *yō к *ye- в др.-инд. *i-va* и лат. *se-u* < *ke-iye); возможно, сюда же относится и микен. форма o-, вводящая предложение, если она обнаруживает частичное указательное значение].

¹⁶ Ср. [20, с. 387]: различие носит чисто графический характер. Кипрское написание "нередко непостоянно" [59, с. 269].

ленный (ударный) дейксис. Неодушевленные формы, однако, употреблялись лишь со слабым (безударным) дейксисом (то, что Семереньи связывает *s- с одушевленностью, а *t- — с неодушевленностью [58, с. 188], с дескриптивной точки зрения вполне приемлемо, но с исторической выступает как вторичное явление). Это можно суммировать следующим образом: *s- в эргативе, *t- в среднем роде, во всех остальных случаях — обе формы.

Подведем итоги: там, где корни на *s- встречаются в изолированном виде, они являются энклитиками (особенно в случаях типа: *sīm, *soj *se), лишь только парадигматические формы *só, *sđ бывают ударными. По всей вероятности, в какое-то время указательные формы имели энклитический эргатив, однако впоследствии (за исключением форм ср. рода ед. числа) существовал выбор: либо полная парадигма ударных форм на *t-, либо частичная парадигма безударных форм на *s-. Таким образом, ранние указательные формы стоят скорее ближе к системе личных местоимений.

7f. Еще некоторые нерешенные вопросы. Связь *s- с энклизой, а *t- с ортотонией — позднее явление в индоевропейском. В среднеиндоевропейский период *só и *tó были контрастирующими частицами, употреблявшимися как вводные в предложении; они были так же семантически различны между собой, как *né *mē *at *jō. Согласно утверждению Стертеванта, *só употреблялось в том случае, когда не происходило перемены субъекта, а *tó — в случае перемены субъекта. Еще один нерешенный вопрос: каким образом *só и *tó семантически совпали и потом были переосмыслены как два варианта одной и той же формы, обусловленные лишь положением ударения? Предстоит еще исследовать сущность различий между энклитиками *sā и *sī.

Если моя небольшая работа привлечет внимание языковедов, особенно молодых, к той многообещающей области лингвистики, которой она посвящена, моя цель будет достигнута. Vivant, crescant, floreant investigationes indeclinabilium.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl. Bd II. 2. Leipzig, 1911; Bd II. 3. Leipzig, 1916.
2. Narten J. Das altindische Verb in der Sprachwissenschaft // Die Sprache. 1968. 14.
3. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 1. Bd. Bern—München, 1959.
4. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960—1972.
5. Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956—1976.
6. Dunkel G. πρόσω και ὀπίσω // KZ. 1982—1983. 96.
7. Dunkel G. A typology of metanalysis in Indo-European // Studies in Memory of Warren Cowgill/Hrsg. von Watkins C. B., 1987.
8. Dunkel G. Indogermanisch *dī, vedisch dītha // Historische Sprachforschung. 1988. Bd 101.
9. Klein J. Toward a discourse grammar of the Rīgveda. V. I. Pt. 2. Heidelberg, 1985.
10. Dunkel G. Laryngeals and particles: *h₂u, *u, and *au // Die Laryngalthorie / Hrsg. von Bammesberger A. Heidelberg, 1988.
11. Melchert H.C. Studies in Hittite historical phonology. Göttingen, 1984.
12. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl. Bd I. Strassburg, 1893.
13. Gauthiot R. La fin de mot en indo-européen. P., 1913.
14. Osthoff H. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. IV. Leipzig, 1881.
15. Specht F. Die Flexion der n-Stämme im Baltisch-Slavischen und Verwandtes. Exkurs II: Ein indogermanisches Dehnungsgesetz // KZ. 1931. 59.
16. Seebold E. Das System der Personalpronomina in den frühgermanischen Sprachen. Göttingen, 1984.
17. Kuiper F.B.J. The shortening of final vowels in the Rgveda. Amsterdam, 1955.
18. Szemerényi O. Syntax, meaning and origin of the Indo-European particle *k^e // Festschrift für Gipper H. / Hrsg. von Heintz G. und Schmitter P. Baden-Baden, 1985.
19. Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
20. Schwyzler E. Griechische Grammatik. München, I — 1939; II — 1950.
21. Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen, 1953.
22. Leumann M. Kleine Schriften. Zürich; Stuttgart, 1959.
23. Darms G. Schwäher und Schwager, Hahn und Huhn, München, 1978.

24. Dunkel G. IE hortatory *ei, eite // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1985. 46.
25. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. 8. Aufl. P., 1937.
26. Starke F. Die Funktionen der dimensional Kasus und Adverbien im Althethitischen. Wiesbaden, 1977.
27. Beekes R.S.P. Lat. prae and other supposed datives in -ai // KZ. 1973. 87.
28. Hamp E. Avestan ai, aīčā // IJ. 1984. 27. S. 290.
29. Oettinger N. Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
30. Dunkel G. IE conjunctions: pleonasm, ablaut, suppletion // KZ. 1982—1983. 96.
31. Forssman B. Gr. πρόμνη, ai. nimnā- und Verwandtes // KZ. 1965. 79.
32. Hamp. E.C. πρόμνη, προμνός and the rounding of *o // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1971. 29. P. 71—74.
33. Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. Bd 1. Wiesbaden, 1966.
34. Lewis H. — Pedersen H. A concise comparative Celtic grammar. Göttingen, 1961.
35. Thurneysen R. Grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
36. Peters M. Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. Wien, 1980.
37. Klingenschmitt G. Erbe und Neuerung beim germanischen Demonstrativpronomen // Althochdeutsch. Bd 1: Grammatik. Glossen und Texte / Hrsg. von Bergmann R. et al. Heidelberg, 1987.
38. Lee D.J.N. The modal particles ēv, ke(v), ka // American Journal of Philology. 1967. 88.
39. Prokosch E. A comparative Germanic grammar. Baltimore, 1938.
40. Schmidt G. Stammbildung und Elexion der indogermanischen Personalpronomina. Wiesbaden, 1978.
41. Ringe D. Germanic ē² and *r // Die Sprache. 1984. 30.
42. Neu E. Einige Ueberlegungen zu den hethitischen Kasusendungen, in Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von Meid W. und Neu E. Innsbruck, 1979.
43. Sturtevant E.H. The pronoun *so, *sā, *tod and the Indo-Hittite Hypothesis // Language. 1939. 15.
44. Sturtevant E.H. The prehistory of Indo-European // Language. 1952. 28.
45. Goetze A. Hittite and the IE languages // Journal of the American Oriental Society. 1945. 65.
46. Goetze A. Kleinasien // Handbuch der Altertumswissenschaften. Bd 3: Kulturgeschichte des alten Orients. München 1957.
47. Gowgill W. More evidence for Indo-Hittite: The tense-aspect system // Proc. of the 11th International Congress of linguists (Bologna-Firenze, Aug. 28-Sept. 2, 1972). V. II. / Ed. by Heilmann L. Bologna 1974.
48. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, III — 1972; IV — 1934.
49. Risch E. Kleine Schriften / Hrsg. von Etter. A., Looser M. B.; N.Y., 1981.
50. Beekes R.S.P. On laryngeals and pronouns // KZ. 1982—1983. 96.
51. Hoffmann K. Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsuntersuchung. Heidelberg, 1967.
52. Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. Bd III. Göttingen, 1930.
53. Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. I: Nominalflexion—Zahlwort—Pronomen. Strassburg, 1893.
54. Scheller M. Das mittelindische Enklitikum se // KZ. 1967, 81.
55. Pedersen H. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Kopenhagen, 1938.
56. Grassman H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.
57. Heller L. The I.E. *sq-/tp-* demonstrative: Suppletion or phonetic differentiation // Word. 1956. 12.
58. Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970.
59. Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. P., 1972.
60. Laroche E. Un "ergatif" en indo-européen d'Asie-Mineure // BSLP. 1962. 57. 23—43.

Перевели с немецкого Маковский М.М., Николаева Е.К.